

Встреча в Кисловодске

Летом 1928 года я, старший следователь Ленинградского областного суда (в те годы следователи состояли при судах), провел отпуск в Кисловодске вместе со своим приятелем и сослуживцем Гришей Рубинштейном. Мне было тогда двадцать два года, а другу моему немного больше.

В то время в Кисловодске почти не было государственных санаториев, но процветали частные «пансионы», как их тогда именовали.

Как только мы вышли из вагона на перрон кисловодского вокзала, нас сразу взяла в окружение воинствующая толпа шумных зазывал, каждый из которых тащил нас в представляемый им пансион. Мы растерялись, не зная, за кем идти. Но тут, лихо растолкав конкурентов, нас заключил в объятия какой-то пожилой, усатый, черный как смоль кавказец, облаченный в черкеску с газырями и папаху.

— Ай-вай, наконец вы приехали, дорогие мои! — вопил он с таким видом, как будто провел бессонные ночи в ожидании нашего приезда. — Давно жду вас, генацвале, давно!.. И мадам Мятова тоже ждет!..

— Кто вы такой? — растерянно спросил я. — Какая мадам Пятова? Понятия не имею...

— Как ты смеешь не знать мадам Мятову, кацо?! — закричал кавказец. — Это же звезда Кисловодска!.. У нее рай, а не пансион!.. В нем живут сливки общества...

И, схватив наши чемоданы, он помчался вперед. Мы покорно последовали за ним, поняв, что сопротивление бессмысленно.

В пансионе нас встретила мадам Мятова, дама средних лет, с усиками, величественным бюстом и подчеркнуто светскими манерами.

— Очень рада вас видеть, молодые люди, — пропела она, зорко нас оглядывая. — Одна комната на двоих с полным пансионом обойдется вам в триста рублей. Дешево и сердито! Что касается общества, нечего и говорить... Силь ву пле, месье!..

Посмотрев комнату, мы решили остаться в этом пансионе, привели себя в порядок после дороги и пошли погулять.

Впервые в своей жизни попав на курорт, я с любопытством знакомился с Кисловодском. Уже приближавшийся в двадцать восьмом году закат нэпа здесь еще не чувствовался, или, во всяком случае, это был довольно пышный закат. Нарядная курортная толпа, состоявшая главным образом из нэпманов и их дам, бродила по аллеям кисловодского парка. Все рестораны были переполнены. На танцплощадках лихо отплясывали чарльстон. Оркестр в курзале исполнял «Бублики» и «О, эти черные глаза!».

Публика, обитавшая в пансионе мадам Мятовой, очень напоминала Ноев ковчег. В пансионе жили: персидский консул в Баку со своей супругой; несколько нэпманов из Москвы, Ленинграда и Одессы; харьковский профессор; знаменитый паровозник Мухачев с двумя молоденькими внучками; врач-венеролог из Киева с красавицей женой; несколько инженеров из разных городов страны и, наконец, очень популярный в те годы писатель Пантелеймон Романов, слывший знатоком женской души.

Был он тогда уже немолод, но еще очень бодр, неизменно добродушен, доброжелателен и весел. Мне запомнился его умный, приветливый взгляд и никогда в нем не остывавший интерес к людям, независимо от их пола, возраста и профессии. Как раз перед отъездом в Кисловодск я прочел статью А. В. Луначарского о первой книге романа «Русь», задуманного Пантелеймоном Сергеевичем как трилогия. Луначарский давал высокую оценку первой части этой трилогии, которую автору ее, увы, не суждено было завершить.

В первый же день мадам Мятова очень торжественно вывела нас к столу, который она именовала «табльдотом», и представила обитателям пансиона. Тут мы и увидели господина консула с отвисшей губой, масляными глазами и большим животом; его тоненькую черноглазую жену с поистине персидскими бровями; нэпманов, разительно похожих друг на друга, пока еще очень чванливых, но уже в глубине души чем-то испуганных; их пышных, нарядных жен, умело накрашенных, отменно надушенных, образцово выхоленных; милейшего, тишайшего и добрейшего профессора Мухачева, с ласковым взглядом и седой бородкой; его внушек, милovidных, смешливых, бойких девушек, и Пантелеймона Романова с рыжеватой, остроконечной бородкой и светлыми глазами, облаченного в чесучовый пиджак.

— Медам, месье! — пропела мадам Мятова. — Рада представить вам своих новых гостей. И ваших кавалеров, медам...

И, повернувшись к нам, мадам Мятова игриво добавила:

— Я надеюсь, месье, вы понимаете, какие приятные обязанности налагает ваш приятный возраст и такой цветник.

Тут мадам Мятова сделала галантный жест в сторону дам, сидевших за столом.

Услышав, что мы с Гришей произведены в месье, я закусил губу, чтобы не расхохотаться. Гриша, напротив, с таким светским видом отвесил ловкий поклон, что я ему позавидовал и тоже раскланялся с пышным обществом. Но мне было далеко до Гриши, и я заметил, какие веселые огоньки вызвал

в глазах внучек профессора Мухачева мой неуклюжий поклон.

После завтрака мы с Гришей удалились в свою мансарду. Комната была из самых дешевых — с деньгами у нас было не так чтобы очень и не очень чтобы так, — и прозорливая мадам Мятова это сразу поняла и потому предложила именно эту комнату.

— Ну что ты скажешь об этой гоп-компании? — уныло спросил я. — Кажется, мы здорово влипли... А эти церемонии — «мадам», «месье»... Типичный чуждый элемент!..

— Да, в общем, конечно, зоопарк, — ответил Гриша. — Но этот профессор Мухачев — миляга... И писатель Пантелеймон Романов — тоже... Я уж не говорю о профессорских внучках. Очень славные девушки!.. С ними стоит подружиться...

— Лишний раз убеждаюсь, что ты отлично ориентируешься в обстановке, — согласился я. — Внучки и мне понравились... А от нэпманов будем держаться подальше...

Установив таким образом единство вкусов и намерений, мы начали свой отдых. Через пару дней уже проводили все время в обществе профессорских внучек и действительно с ними подружились, а через неделю чувствовали себя в пансионе как дома. Мадам Мятова была к нам очень мила. Как-то утром она вошла в нашу комнату и, сверкая своей обычной «светской» улыбочкой, заговорщически прошептала:

— Ну, мальчики, держитесь!.. Приехала такая красавица, каких Кисловодск еще не видал. Правда, приехала она с мужем, но это, как показывает история человечества, еще никогда никому не мешало... Срочно брейтесь и готовьтесь к бою...

Сообщение мадам Мятовой нас мало интересовало — мы отлично проводили время с Зоей и Верой (так звали внучек профессора Мухачева) и не хотели новых знакомств.

За обедом, когда собрались все обитатели пансиона, на пороге столовой появилась мадам Мятова, сопровождавшая

весьма эффектную пару. Уже немолодой, но весьма респектабельный мужчина вел под руку рослую, статную, очень красивую шатенку, синеглазую, полногрудую, с ямочкой на щеке и таким ясным, открытым, невинным взглядом, что сразу возникали сомнения в ее супружеской верности.

Впрочем, у меня не было нужды судить об этом предмете по ее глазам — я сразу узнал в ней одну из дам, которых мне довелось допрашивать еще пару лет назад, когда я работал следователем в Москве, по делу бывшей генеральши Апостоловой, содержавшей тайный и широко поставленный дом свиданий. Дама, которую я теперь увидел, была одна из «звезд» этого заведения. Именно с нею был связан надолго запомнившийся мне эпизод.

Дело в том, что на допрос она явилась с небольшим букетиком фиалок и, в отличие от других дам, допрошенных по этому делу, не устраивала истерики, не просила валерьянки, не притворялась, что плачет, и не разыгрывала роль раскаявшейся Магдалины. Напротив, она очень спокойно, но просто, даже деловито рассказала обо всем, что было, рассказала во всех подробностях, совершенно не смущаясь своей ролью в этом деле. Хотя я тогда, со свойственной молодости самоуверенностью, считал себя уже опытным криминалистом, такое поведение этой дамы меня поразило. Видимо заметив это, она весело улыбнулась и сказала:

— Не удивляйтесь, товарищ следователь, что я так спокойно все вам рассказываю. Терпеть не могу кающихся магдалин, притворных скромниц и «опущенных долу очей»... И уж совсем глупо, раз ты попала к следователю, разыгрывать из себя оскорбленную невинность. К тому же я считаю, что следователей, как и врачей, нечего стесняться. А вас, в награду за мою откровенность, прошу только об одном: мой муж ничего не должен знать. Он убежден в моей верности, и, право, не стоит его разочаровывать... Могу я на это рассчитывать?

— Вполне, — ответил я, и ответил честно, потому что ровно за неделю до допроса этой дамы меня вызвал нарком

юстиции и, выслушав подробный доклад по этому скандальному делу, строжайше приказал: ни при каких обстоятельствах не разглашать имен и фамилий дам, замешанных в этом деле, во избежание возможных семейных драм. Дело в том, что почти все дамы, обслуживавшие притон, были замужем.

— Мерси, это очень мило с вашей стороны, — улыбнулась эта женщина, выслушав мой ответ. — Я не хочу огорчать мужа, тем более что в общем им довольна.

— А он вами? — спросил я.

— Сразу видно, что вы еще очень молоды, — ответила она. — Иначе вы бы знали, что обычно больше всего довольны своими женами как раз те мужья, которых обманывают... А, как вам известно, мой дорогой супруг имеет достаточно оснований быть мною довольным.

Ее цинизм задел меня, и, круто оборвав разговор, я протянул ей на подпись протокол. В этот момент позвонил телефон — меня вызывали к прокурору, надзирающему за следствием, Михаилу Владимировичу Острогорскому, строгому и очень корректному человеку, которого уважали и любили все следователи.

Дама подписала протокол, я положил дело в сейф, и мы вместе вышли в коридор следственной части. Через полчаса, вернувшись в свой кабинет, я увидел на столе записку, к которой был приколот букетик фиалок. Вот что писала мне эта женщина:

«Вы были так милы, что мне неудержимо захотелось оставить вам эти фиалки на память о нашей встрече. Хочу надеяться, что она будет не последней... Все зависит от вас. Мой телефон записан в протоколе допроса».

Меня, как и всех молодых следователей в те времена, воспитывали очень строго и очень верно. Дело в том, что в те годы нэпманы и их жены искали всяческие «подходы» к судебным работникам, стараясь любыми путями подобрать «ключик» к ним. Поэтому, схватив записку и злополучные фиалки, я помчался обратно к Острогорскому.

— Вот смотрите! — пролепетал я. — Свидетельница по делу Апостоловой... Вернулась в кабинет, пока я был у вас, и оставила цветы... И записку... Сейчас напишу рапорт!..

— Какой рапорт? В чем дело? — удивился прокурор. — Объясните толком!..

Узнав подробности, он усмехнулся, нажал кнопку звонка. Появилась курьерша.

— Таня, будьте добры, принесите вазочку с водой для этих цветов, — сказал он и, когда курьерша вышла, обратился ко мне: — Милый друг, мне нравится ваше волнение. Впрочем, иной реакции от вас и не ждал. Рапорт писать не надо, а цветы, чтобы вас окончательно успокоить, оставлю у себя... И записку, разумеется, тоже...

И вот теперь в Кисловодске, два года спустя, я вдруг увидел эту даму, такую же красивую, уверенную в себе, какой я ее запомнил.

— Медам, месье! — привычно произнесла мадам Мятова. — Позвольте представить вам своих новых гостей...

В полном соответствии с этим торжественным вступлением супруг красивой дамы стал подводить ее поочередно к сидящим за столом, галантно кланяясь и произнося:

— Рад представить вам свою супругу Галину Павловну. Виталий Всеволодович. Прошу любить и жаловать.

Когда они подошли ко мне, я встал, поздоровался, сделав, разумеется, вид, что впервые ее вижу. Она метнула на меня быстрый взгляд, чуть заметно улыбнулась и поплыла дальше.

Сразу после завтрака я направился в нижний парк, быстро спускаясь по широкой лестнице. Сверху, с террасы, меня окликнула Галина Павловна. Мужа возле нее не было. Она спустилась ко мне, придерживая рукой полы своего роскошного утреннего пеньюара.

— Ну, как вам нравится мое счастье? — весело произнесла она. — Через два года приехать на курорт с мужем и налететь на вас!.. Прямо как в кино!.. Надеюсь, вы меня узнали?

— Конечно.

— Я так и знала. Но вы — душка: даже глазом не моргнули, увидев меня... С вами можно иметь дело...

— Это мой профессиональный долг, — ответил я.

— А ведь я тогда ждала вашего звонка... — протянула она, улыбаясь. — Впрочем, вы были еще совсем мальчиком... А теперь так возмужали... Как вы находите меня?

— Вы мало изменились, — нарочито двусмысленно ответил я. — Простите, я тороплюсь.

Вечером Гриша заговорил об этой паре.

— Мадам весьма эффектна. Между прочим, когда происходила церемония этого представления, мне почему-то показалось, что она прежде знала тебя...

— Странно, почему тебе так показалось? — спросил я, удивленный его догадливостью.

Гриша рассмеялся.

— Теперь мне это уже не кажется, — сказал он. — Теперь я уверен.

— Почему?

— Потому что, когда отвечают вопросом на вопрос, это верный признак того, что первый вопрос попал в цель. Ну а теперь рассказывай!..

Гриша был моим товарищем по работе, и я хорошо знал его профессиональную сдержанность. Поэтому я счел возможным рассказать ему, при каких обстоятельствах я встретился с Галиной Павловной.

После ужина все общество собралось на террасе. Галина Павловна была, как всегда, спокойна, приветлива, очень нежна со своим мужем. Он открыто любовался ею, первый смеялся ее остротам и явно старался стать душой общества: рассказывал анекдоты, сыпал комплиментами, угощал мужчин сигаретами и давал советы, как лучше пользоваться нарзаном.

Виталий Всеволодович был мастер поговорить. Как и многие адвокаты, он отличался манерой округлять фразы и произносить их чуть театрально, хорошо поставленным го-

лосом. Притом он еще любовался собственным красноречием и любил щеголять иностранными словечками.

— Позволю себе заметить, что в современной кардиологии есть свои «про» и «контра», — продолжал он. — Кисловодский нарзан — это шампанское для сосудов, но им, как и шампанским, нельзя злоупотреблять... ха-ха... Но сам по себе Кисловодск замечателен!.. Правда, здесь довольно дорого, но, как говорили римляне, до ут дэс — «я даю, чтобы ты дал». Нет, муа сюи аншанте!.. Я очарован!..

Слушая этого краснобая, я взглянул на Пантелеймона Романова, сидевшего в стороне. Он молчал с несчастным видом человека, которому приходится глотать не очень свежую котлету.

Между тем Виталий Всеволодович, покончив с Кисловодском, снова перешел к анекдотам. Нэпманы и их жены млели от восторга. Галина Павловна слушала мужа со снисходительной улыбкой, а когда из парка потянуло прохладой, спросила:

— Может быть, принести тебе пуловер, милый? Ты не должен забывать о своих связках...

Мне и Грише все это надоело, и мы потихоньку улизнули с террасы.

И опять покатались солнечные беспечные дни отдыха. Приближался день отъезда. В связи с этим Виталий Всеволодович как-то предложил устроить шуточный суд над дамами нашего пансиона, некоторые из которых были замечены в кое-каких шалостях. В качестве судьи он предложил Пантелеймона Романова, как «общепризнанного знатока всех тонкостей женской души».

Предложение было принято. Гришу утвердили обвинителем. Романова уговорили принять пост судьи. Виталий Всеволодович, естественно, взял на себя роль защитника.

Вечером начался «процесс». Были допрошены свидетели и свидетельницы. Гриша превосходно провел «судебное следствие», а затем произнес остроумную обвинительную речь. Все смеялись.

Потом слово предоставили адвокату. Виталий Всеволодович выбивался из сил. Закатывая глаза, он кричал, что доказательства недостаточны.

— Я прошу высокий суд, — продолжал он, — учесть, помимо всего прочего, смягчающие вину обстоятельства, если только была эта вина: поразительные, бодрящие свойства нарзана — этого удивительного эликсира, также неповторимый кислородский воздух, каковой, резко усиливая обмен веществ, будоражит кровь и воображение.

Верховный, и единственный, судья сидел в массивном кресле с непроницаемым, как и положено судье, лицом и задавал время от времени очень тонкие и очень точные вопросы. Потом «суд» удалился на совещание.

В ожидании приговора общество занялось игрой в лото. Тучный персидский консул (тогда Иран именовался еще Персией), супруге которого было уделено на суде — и не без оснований — достаточное внимание, мрачно сопел в углу. Его хорошенькая жена весело смеялась, сидя рядом с инженером из Одессы, который за нею ухаживал.

— Встать! Суд идет! — торжественно провозгласила мадам Мятова, появившись на пороге.

Все встали. Вошел Пантелеймон Сергеевич в роскошной судейской тоге, которую ему соорудили из пледа. Он начал оглашать приговор, написанный с блеском — остроумно, точно, весело.

Все дамы были оправданы «за недостаточностью собранных по делу доказательств», но три из них были «оставлены под подозрением», в частности супруга консула.

Затем судья огласил заключительную часть приговора. В ней указывалось: «На основании материалов судебного следствия суд считает непреложно установленным, что наиболее добродетельной и верной супругой является Галина Павловна».

Снова грянули аплодисменты. Мадам Мятова преподнесла «святой женщине», как она выразилась, букет белых

роз. Виталий Всеволодович светился от гордости, как карнавальный лампирон. Галина Павловна протянула ему букет.

— Милый, эти цветы и твои по праву, — нежно сказала она.

Потом, когда шли к столу, она успела мне шепнуть:

— Ну, теперь вы видите, что такое правосудие?..

После ужина мы с Гришей гуляли в парке. Черное, усеянное звездами небо светилось, как причудливая парча. В боковых аллеях шептались пары. Из подвала, расположенного неподалеку от ресторана «Медведь», доносились музыка и крики. По главной аллее плыл медленный поток гуляющих. Неожиданно мы заметили Пантелеймона Романова, гулявшего в одиночестве.

— Ну-с, молодые криминалисты, что вы скажете о моем приговоре? — спросил он.

Я и Гриша переглянулись.

— Вас удивила заключительная часть? — усмехнулся он. — И то, что Галина Павловна объявлена самой верной и добродетельной женой?.. Хотя она самая холодная и самая расчетливая из всех этих дам...

— Как же в таком случае объяснить приговор? — спросил Гриша.

— В пансионе она вела себя безупречно, — ответил Пантелеймон Сергеевич. — А приговор, как вам должно быть известно лучше, чем мне, выносится на основании материалов дела. И вот, впервые в жизни оказавшись судьей, я сразу попал в тенета этих юридических правил... У меня не было иного выхода, молодые люди, как, боюсь, его иногда не бывает у настоящих судей... В таких случаях самое лучшее — полное оправдание, что я и сделал...

— Да, но вы не только оправдали Галину Павловну, но и поставили ее в пример другим, — заметил я.

— Во-первых, все эти дамочки в общем стоят друг друга, — ответил он. — А во-вторых, она превосходно умеет вести себя, что тоже искусство, друзья мои...

— Почему же в таком случае вы считаете, что она «самая холодная, самая расчетливая»?

— Потому что я писатель, — ответил он. — А писатель тот же следователь... Иначе он плохой писатель. Разница лишь в том, что следователь, как я полагаю, обязан молчать о том, что он узнает благодаря своей работе. А писатель, наоборот, не вправе об этом молчать, если он настоящий писатель... Вы согласны?

— В общем да, — ответил я, пораженный пронизательностью этого человека. Но он не был моим близким другом и товарищем по работе, и потому я не имел права подтвердить ему то, что он так тонко почувствовал и так верно определил.

1968 г.